

12+

ПОСЛЕДНЕЕ ЦАРСТВО

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Александр Казин

**Последнее царство. Русская
православная цивилизация**

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Казин А. Л.

Последнее царство. Русская православная цивилизация /
А. Л. Казин — «ЛитРес: Самиздат», 1998

Предлагаемая книга - попытка философского осознания таинственного действия Святого Духа в русской истории и культуре. Не следует думать, что религия, философия и наука несовместимы между собой - напротив, "чистое" беспредпосылочное знание есть один из мифов европейского позитивизма прошлого века. Знание всегда опирается на определенную веру (ценность), а вера, со своей стороны, дает глубинное знание. Не претендуя на ведение путей Господних, автор стремился осмыслить очевидное - реальные события отечественной культурно-исторической жизни как знамения (символы) замысла Божия о России.

© Казин А. Л., 1998
© ЛитРес: Самиздат, 1998

Содержание

Вера и цивилизация. Вместо предисловия	6
Бог и мир	7
Русь золотая	14
Киевская София	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В оформлении обложки использован фрагмент картины Михаила Васильевича Нестерова «На Руси (Душа народа)», 1916.

По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго

Огонь пришел я низвесть на землю,
и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!
Лк. 13: 49

Не жизни жаль с томительным дыханьем:
Что жизнь и смерть... А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем —
И в ночь идет!.. И плачет, уходя!
А. Фет

Вера и цивилизация. Вместо предисловия

Предлагаемая книга – попытка философского осознания таинственного действия Святого Духа в русской истории и культуре. Не следует думать, что религия, философия и наука несовместимы между собой – напротив, «чистое» беспредпосылочное знание есть один из мифов европейского позитивизма позапрошлого века. Знание всегда опирается на определенную веру (ценность), а вера, со своей стороны, дает глубинное знание. Не претендуя на ведение путей Господних, автор стремился осмыслить очевидное – реальные события отечественной культурно-исторической жизни как знамения (символы) замысла Божия о России. В. С. Соловьев ещё в 1888 году точно сказал, что идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности (1). Мысль Божия о соборной личности народа (нации) является Логосом его цивилизации и культуры, проявляется во всех её произведениях и событиях. Вместе с тем христианский божественный Логос ни в чем не ограничивает свободу народа, равно как о свободу отдельной человеческой личности. В свободном соприкосновении (синергии) божественной и человеческой воли раскрывается творческий смысл земного бытия, его благодатная красота и сила. Православная русская цивилизация – это вся совокупность духовной и материальной жизни народа, понятая как осуществление (сознательное или бессознательное) зова Христа, обращенного к этому народу (2). Под культурой в более узком смысле мы понимаем преимущественно светскую форму духовной жизни, воплощенную в образах и знаках, т.е. искусство, мировоззрение, нравственность. Само слов «культура» этимологически связано с «культом», культура есть своего рода продолжение веры (или безверия) на пространстве мирского существования народа и человека.

Основное содержание предлагаемой книги – это русская идея в указанном выше богочеловеческом смысле, а её проблема – это вопрос о русской победе в истории при кажущемся цивилизационном (прежде всего экономическом и политическом) поражении России в конце XX века. Историософия – это мудрость истории, восходящая к её сверхисторическим идеальным определениям; историософия включает в себя не только наблюдение событий, но и Веру, Надежду, Любовь; в некотором отношении историософия объединяет автора и его предмет, ибо метафизику истории нельзя просто знать, в ней надо быть. Читатель данной книги увидит, что в её предметное поле входят самые разные люди – от князя Владимира до Михаила Горбачева, самые разные писатели и философы – от митрополита Илариона до Александра Солженицына... Однако в сущности своей это цельная книга – речь в ней идет об одном: о христианской правде русской православной цивилизации, которая потому-то и правда, что не всегда знает о себе. Подлинная правда не кричит о себе на всех перекрестках. Живая истина молчанием ответила на заданный ей вопрос чужого человека – скептика Пилата. Хочу поэтому предупредить читателя, что настоящая книга обращена к «своим», а не к «другим». Христианское сознание обращается не к «другому», а к ближнему, для которого мудрость мира сего есть безумие перед Господом, видящим духовную победу в образе кающегося разбойника...

С Богом в путь!

Бог и мир

Крест, меч и золото – вечный выбор истории после Христа. Человек, победивший мир вместе с Сыном Божиим, либо человек, пользующийся этим падшим миром с помощью силы или денег... У нас в России этот выбор совершался в XX в. по меньшей мере трижды – в феврале 1917 г., когда власть Царя-Помазанника Божия была заменена властью буржуазных демократов; в октябре того же года, когда «человек с ружьем» (идея коммунизма) оттеснил «человека с рублем»; наконец, в августе 1991 г., когда ориентированная на богатство демократия снова пришла к власти в Кремле. Во всяком случае, сейчас в духовном пространстве России решается вопрос о господстве над человеческой свободой и, следовательно, над миром. Нам следует ясно сознавать, как соотносятся друг с другом эти три власти – «белая», «красная» и «желтая» – Духа, Силы и Выгоды. И если мы вслед за Европой расстанемся с Христовым заветом ради мирского успеха – надо сказать об этом прямо.

Прошло без малого две тысячи лет с тех пор, как людям принесена благая весть. Пришествие на землю Сына Божия означало, что падший человек искуплен из рабства сатаны и ему дарована жизнь вечная. Спаситель своею Кровью восстановил порванную связь человека с Богом. Сотворенный по образу и подобию Божию человек получил возможность осуществить свое высшее призвание – стать вслед за Иисусом Христом сыном и другом Бога-Отца и унаследовать после смерти райское блаженство. Ни в коем случае не отвергая мира как Божьего творения с его «благорастворением воздухов и изобилием плодов земных», верующий во Христа вместе с тем ждет «воскресения мертвых и жизни будущего века» именно как высшей цели и смысле своей жизни. «Живи не как хочется, а как Бог велит», – так русская пословица истолковала молитву перед лицом Отца Небесного: «Не Моя, а Твоя да будет воля». И уже отсюда, из этой сердцевины и сокровищницы Христианства родились другие установления Церкви, касающиеся буквально всех человеческих духовных и телесных проявлений, – от молитвы и творчества до семьи и государственной власти. На семь смертных грехов семь страстей указала Христианская Церковь человеку. Это гордыня, чревоугодие, блуд, гнев, уныние, тщеславие и корысть. Отсюда вытекает самая странная, самая непонятная для безбожника Христианская убежденность: крестное страдание в этом мире является главным оружием в борьбе с дьяволом. Всякую человеческую способность умеет обратить себе на пользу отец лжи, кроме кротости и смирения. А это значит, что Христианин не может господствовать в этом мире в качестве победителя, со всеми его земными принадлежностями богатства, славы и успеха. Наоборот, именно в качестве гонимого за истину способен удостоверить ученик Христа свою верность Распятому Учителю. Для нашей же темы особенно важно, что Россия как соборная душа никогда по сути не сходила с этого пути. Опыт XX в. показывает, что когда власть в ней захватывали силы, ориентированные на золото или на меч, она выбирала Крест. Запад же от несения Креста отказался. Посмотрим теперь, почему так произошло, в каком пункте метаисторического процесса западный мир избрал свою нехристианскую направленность.

* * *

Не будем касаться здесь тайных и явных обстоятельств предательства и казни Иисуса Христа – слишком велика эта тема. Возьмем точкой отсчета мысль, без которой нам не разобратся ни в прошлом, ни в настоящем Европы. А именно – христианское благовестие было воспринято народами Европы через посредство римской языческой цивилизации. Сегодня эта мысль кажется само собой разумеющейся, даже простой констатацией факта. Однако в первой половине прошлого века И. В. Киреевскому, А. С. Хомякову и другим православным рус-

ским мыслителям потребовалось немало сил, чтобы вывести это положение на поверхность общественного сознания и продумать следствия, вытекающие из него. В самом деле, Христианство с самого своего появления на просторах империи столкнулось с мощным влиянием – и в некотором смысле даже подчинением – своих заповедей римской логике, римским законам, всему стилю и способу римской жизни. Не случайно написанное преимущественно для римлян Евангелие от Марка – самое сухое и «фактологическое», а послание апостола Павла к тем же римлянам содержит чуть ли не единственное в Новом Завете логическое «определение» любви как исполнения закона (Рим. 13 : 10). Сам автор этого послания, как известно, был римский гражданин и потому казнен был по приговору суда, с соблюдением всех прав человека. То же самое в массовом порядке происходило в римских цирках, где христиан травили зверями с полным соблюдением государственного права – ведь они не хотели сжечь несколько зерен ладана перед статуей кесаря...

Таким образом, уже с момента своего зарождения Христианство на Западе вошло в соприкосновение с холодом римского ума и закона. Если трагическая история Гефсимании и Голгофы имеет свое человеческое измерение, развивается как духовная и личная драма, то взаимоотношения Христианства и латинства – это сначала вражда, а затем союз, осуществляемый по правилам цивилизации. Блаженный Августин был прав, когда в V в. отметил принципиальную разнородность Града Божьего и града земного, – и это его утверждение касалось прежде всего Рима как «великой блудницы», причем не только в прямом смысле слова, но и в отношении более утонченном, в отношении духа. Дух римских законов и римской логики постепенно принял и Христианство, «привык» к нему и это, может быть, было страшнее для Христианства, чем его открытое гонение. Если афинские философы в свое время прервали апостола Павла, когда он заговорил о воскресении мертвых, то указы Константина и кодекс Юстиниана попытались превратить Христианство в государственную религию, т. е. Церковь в государство – вот исток будущей Христианской истории Запада. В Восточной римской империи (в Византии) это приобрело характер цезаропапизма, на западной ее окраине – папоцезаризма. Император Константин назвал себя «епископом внешних дел» и перенес столицу на Восток, в Риме же всеми внешними и внутренними делами Церкви – и юридически подчиненного ему государства (государств) – постепенно завладел местный первосвященник. За неимением места я не могу рассматривать этот процесс подробно – скажу только, что в результате его римский папа стал сюзереном, его «духовные» чада подчиненными ему по праву вассалами. Вся постройка католичества получила статус державы со своей юриспруденцией (сверхдолжные заслуги), войском (крестовые походы, рыцарство), идеологией (схоластика), тайной полицией (инквизиция, иезуиты), экономикой (торговля индульгенциями) и т. п. Рим отбросил языческий меч, но взял меч христианский, не послушав Господа, сказавшего Петру: «Вложи меч свой в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Ин. 18 : 11). За Христом нельзя пойти насильном, мир должен выбрать Крест сам – этого не понял Рим своим «эвклидовым» рассудком, тут его беда и вина...

Видит Бог, у меня и в мыслях нет упрекать в чем-то на этих страницах западное первохристианство. Народы Европы были, есть и будут нашими братьями «по вере, по судьбе» – вопрос лишь в мере её осознания. В течение первых трех веков Христианской эры западные – и прежде всего римские – христиане доказали свою верность Господу целой чередой жертв, так что на первый вселенский Собор (325 г.) они собрались, еще храня на себе следы пыток Диоклетиана. Среди христианских мучеников, до сих пор поминаемых Церковью, есть и римские папы...

Однако факт остается фактом: именно благодаря посредству римской цивилизации (Рим так и называли – Город) в духовном и материальном устройении западной Церкви восторжествовал закон, а не любовь. Тем самым благая весть Христа, избегнув смертельных объятий фарисейства, попала в Европе под власть не менее сильного друга-врага: человеческого ума.

Уже само «догматическое развитие» католичества показывает направление этой власти – медленное, но неуклонное стремление от Богочеловека к человекобогу. Начиная с первых сепаратистских догматов римской курии, и в первую голову с догмата о Filioque, через учение о непорочном зачатии Девы Марии и кончая формально поздним утверждением папской непогрешимости (1870 г.) – все это логико-юридические свидетельства принижения в римском сознании божеского начала ради начала человеческого. К началу II тысячелетия – ко времени разделения церквей – господствующая на Западе иерархия логически и юридически ушла от Христа – и тогда Христос ушел от западного ума и закона. Исторически это предвещало конец Средних веков и начало так называемого Нового времени...

* * *

Итак, Рим как мир (мир), по-своему стремящийся к Господу, но остающийся в этом стремлении самим собой – таково исходное противоречие западной Христианской (церковной, культурной, политической) истории. Если может быть непогрешимой одна личность (папа), то почему не может стать таким каждый человек? По существу, данный вывод и был сделан Лютером, Кальвином, Цвингли и другими вождями Реформации XVI–XVII в. Русские Православные философы хорошо показали, что ренессансный просветительский гуманизм является оборотной стороной или, лучше сказать, расплатой католичества за попытку государственного устройства Христианства, за инквизицию и иезуитство, за советскую власть над миром. Первый шаг к человекобожеству был сделан отнюдь не в эпоху Возрождения и Реформации – он был сделан тогда, когда римский князь Церкви использовал силу Бога для достижения земных целей. Рим попытался навязать Христа миру, воинственно овладеть им в его собственном греховном бытии. Крест, превращенный в меч, – вот кредо Рима.

Однако действие вызывает противодействие. Ренессанс, Реформация, Просвещение – это ответные шаги человека, восставшего не только против папы как заместителя Христа на земле, но и бросающего вызов самому Богу – по крайней мере, на почве мистической, художественной, научной гениальности. Начальный толчок к подобному – прометеевско-фаустовскому, в конечном счете – самоопределению Запада дал опять-таки католицизм в своем догмате о Filioque: принижение Святого Духа ведет к абсолютизации человека. Нет более Христианской идеи, чем идея абсолютного достоинства человеческой личности (по образу и подобию Божию), но эта идея делается противохристианской, как только начинает утверждать божественное достоинство человека как такового, безотносительно к его Отцу и создателю. Как раз такого достоинства для себя и захотел Денница.. Так была намечена дорога, по которой европейская цивилизация быстро пошла в сторону обмирщения (секуляризации). Меч начал уступать первенство деньгам.

Значение Реформации в истории Западной Европы заключается в том, что она переключила религиозную энергию народов с неба на землю. «Знание – сила» – этими словами Ф. Бэкона наиболее полно выражается духовно-культурная суть Реформации. Если католичество по крайней мере говорило о Боге, то протестантство заговорило преимущественно о человеке – это был сектантский прорыв человекобожия в область Христианской веры и Церкви (антропоцентризм). Что бы ни утверждали протестантские мистики и профессора теологии, духовная вертикаль в лютеранстве и особенно в кальвинизме фактически утратила свою силу, свою непосредственную культурно-историческую роль. Достаточно сказать, что протестантство не знает святых и не имеет монастырей. Зато культурно-историческая, хозяйственная и политическая горизонталь в лютеранско-кальвинистских странах расцветает пышными цветами – назовем хотя бы Германию, Скандинавию, Северную Америку. Собственно говоря, протестантизм есть буржуазно-гуманистическое истолкование Христианства – об этом много и хорошо

написано М. Вебером и В. Зомбартом. Для нас же проблема заключается в том, чтобы понять, каковы плоды и духовные перспективы этого избранного Западом человекобожеского пути.

Возьмем для начала сферу хозяйственной политики. Нет сомнения, что в этой области Европа в эпоху XIX и особенно XX веков достигла выдающихся успехов. Западный европеец уже в XIX столетии («век девятнадцатый, железный») начал строить «хрустальный дворец», когда-то так поразивший Герцена и Достоевского на всемирной выставке в Лондоне. Замысел этого дворца был поистине вселенским: построить такое общество, наладить такую жизнь, чтобы человек не хотел умирать, чтобы каждый момент его существования, от колыбели и до могилы, был максимально приятен, удобен и производителен. Сердцевину такого мироотношения прекрасно выразил один из героев романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», отец будущего островитянина, когда он, желая предостеречь сына от безумной страсти к путешествиям, советовал ему как можно быстрее забыть эту химеру и устроить свою жизнь нормально, как все, чередуя труд с разумными развлечениями. Именно исходя из такого совета, именно на основе рационально-чувственного, делового, глубоко прагматического понимания жизни и достигла Европа того изобилия и процветания, которым она справедливо гордится. Кому, кроме владельцев особ, доступны были в прежние времена собственные роскошные экипажи? Средний европеец их получил. Кому, кроме колдунов, покорялась физическая боль? Средний европеец благодаря лекарствам не знает боли. Кому, кроме ведьм, были по силам полеты в воздухе? Средний европеец летает ныне в Америку или Японию как к себе домой. Все пространство и время жизни современного европейца (американца), его коренные экзистенциальные опоры, его нравственные, эстетические, вкусовые, сексуальные реакции, его самые искренние привязанности – все это осуществляется на горизонте абсолютно трезвого, абсолютно земного, абсолютно конечного существования. Цель жизни такого человека заключена в самом процессе выживания: говоря философским языком, центр и границы подобного существования решительно имманентны. Подобно улитке или черепахе, западный человек своим регулярным и усердным трудом несет свой дом на самом себе, и в нем так уютно и тепло, что позавидуешь.

Возникает только один вопрос: насколько такое существование совместимо с Христианством? Острота постановки этого вопроса только усиливается при воспоминании об огромных, переполненных туристами соборах в Италии и Америке, во Франции и Польше? Что это – просто многолетняя привычка к храму, ставшая элементом повседневного обихода? Неужели не понимают эти люди, что нельзя быть Христианином лишь в храме, только в молитве, служа одновременно и Богу и маммоне? Что нельзя, произнося христианский символ веры – «чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века», – одновременно превращать грех в «угощение»? Или мы встречаемся здесь с каким-то иным, чуждым Православию толкованием Христианства? И Христианство ли это вообще?

Если говорить о духовно-культурных сторонах указанного состояния Европы, то придется констатировать следующее: по мере развития и укрепления универсально-рыночных денежных отношений западный человек неуклонно утверждал себя как земного бога, продолжая в большинстве случаев вполне искренне считать себя при этом Христианином, т. е. учеником и последователем Распятого. Ренессанс, Реформация и Просвещение закрепили – соответственно в духе, в культе и в мировоззрении – это самообожествление (самоспасение) западного европейца, сообщив ему при этом религиозную и культурную санкции. Только при этих поистине судьбоносных обстоятельствах мог быть христиански оправдан капитализм – своего рода интернациональная мастерская по производству денег и удобств, где гарантированный обмен услугами есть прежде всего результат работы на себя, ради своей выгоды, эгоистического расчета.

Как это соотносится с образом Христа, который изгнал торговцев из храма? Кто сказал, что блаженны плачущие и пострадавшие за правду? Кто предупреждал нас: «Не любите мира, ни того, что в мире» (I Ин. 2 : 15); «не собирайте себе сокровищ на земле» (Мф. 6 : 19); «удоб-

нее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мтф. 19 : 24)?

Надо быть совершенно нечутким к Евангелию, чтобы не понимать, что дух Христов и дух капитала полностью противоположны. Когда мы, русские, восхищаемся западным изобилием и порядком, мы часто забываем, что они куплены ценой превращения образа Божия в «одномерное» существо, в заложника его собственной производительно-потребительной активности. Когда мы видим сияющие огни витрин и реклам, наше сознание отодвигает куда-то в глубокие тайники подсознательного факт, что эта роскошь онтологически не вписывается в перспективу христианского спасения, и практически означает не что иное, как красивую оболочку небытия. Одно из двух: или надо действительно забыть Христа и вместе с ним страдание и грех, Воскресение и Спасение, или отдать себе трезвый отчет в том, что изобилие и довольство буржуазной цивилизации подобны сытой улыбке тревоугодника, который уже съел все, что мог, и теперь может себе позволить доброту и благотворительность, содержание университетов и храмов, высокое жалование своих рабов. *Tertium non datur* – третьего не дано (4).

Совершенно то же самое, хотим мы этого или нет, происходит ныне во всем мире в области государственного строительства. Великому православному мыслителю К. Н. Леонтьеву принадлежат две формулы, значение которых со временем не только не исчезает, но даже увеличивается: «средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» и «национальная политика как орудие всемирной революции». Константин Леонтьев был смелый человек, не боявшийся называть вещи их собственными именами. Создав «упростительное» и «смесительное» общество, где все продается и покупается (т. е. святость и грех, гений и бездарность социально уравниваются посредством их всеобщего рыночного эквивалента), Европа, согласно Леонтьеву, произвела на свет и соответствующую такому обществу парламентскую государственность, единственная задача которой – поддержание рыночного *status quo*. Следовательный буржуа, заседающий в палате лордов, – вот что ненавистно Леонтьеву. «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей входил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» или «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» (5). Впоследствии, и именно применительно к государству, эту тему развил И. А. Ильин в своей книге «О монархии и республике», где с блеском показал, что монархия и республика отличаются прежде всего сознанием чести и свободы. Если царская власть покоится в первую голову на доверии и любви верных (верноподданных) к помазаннику Божию, который как отец заботится о них и отвечает за них перед лицом Создателя, то республика строится на формальном праве всеобщего («смесительного», как сказал бы Леонтьев) равенства, озабоченного главным образом гарантиями себеподобия избираемых руководителей. Демократия избирает не лучших, а себе подобных, т. е. выгодных, послушных, удобных исполнителей. Таким образом, и здесь происходит обмен первородства на чечевичную похлебку, и здесь государство, подобно хозяйственной жизни, отделяется от Церкви, т. е. от средоточия чести и свободы человека как сына Божьего, приобретая взамен юридические гарантии его неприкосновенности в качестве раба собственного мещанства. Королю, как и Богу, отводится отдельный – в прямом смысле декоративный – угол дома. Строго говоря, современные бельгийцы или норвежцы являются королевскими подданными не в большей степени, чем Христианами: ни Бог, ни король у них не правят, а лишь символизируют нечто – в первую очередь историческую память.

За неимением места я не буду специально останавливаться здесь на положении в духовной культуре, т. е. в искусстве, науке, философии. Скажу только, что покинув после эпохи

Возрождения ограду храма и абсолютизировав своего эмпирического автора (в отличие от вечного Творца) – отдельного индивида, духовная культура современного Запада пожинает плоды гуманизма. В круге ее достижений встречаются выдающиеся создания, еще больше в ней просто талантливого, мастерского, красивого – но точно какой-то туман висит вместе с тем в культурных пространствах Европы и Америки. Еще в 1943 г. замечательный немецко-швейцарский писатель Герман Гессе назвал этот туман «фельетонистической эпохой», когда пишутся романы, создаются симфонии, ставятся спектакли и кинофильмы, и вместе с тем все это как бы несерьезно, «понарошку». И авторы и публика в рамках подобной культуры слишком хорошо знают, что искусство (как и наука, и философия) – это профессия, которая приносит одним – удовольствие, а другим – деньги. Тут никому не придет в голову спрашивать, к примеру, у кинорежиссера, в чем смысл жизни, потому что его фильм смотрят как бы между делом, обняв одной рукой подругу, а другой придерживая пакетик к «чипсами». Точно так же, скажем, философ не станет выкалывать у себя глаза, даже придя к выводу о полной несостоятельности чувственного познания (как это сделал в свое время Демокрит). Нынешняя буржуазно-демократическая культура – это очень хорошо очерченные правила игры, называемой постмодернизмом, где «верх» и «низ», «правое» и «левое» давно заключили между собой цивилизованный союз («плюрализм») и даже вообще поменялись местами до полного неразличения. Сегодня это называется сетевым мышлением, «нетократией». По существу, это растянутая во времени духовная смерть («пост-жизнь»). А в чем ведении находится «державная смерти»? Не ее ли хозяин правит бал на современной культурной и политической сцене?

* * *

Итак, в XX в. как и во времена царя Ирода, древний первородный грех продолжает порабощать человека его внутреннему ничтожеству, его низшему темному началу. Новизна XX в. заключается лишь в том, что современные – философские, политические, электронные – технологии сделали из богатства и меча «конфетку», и у них это получилось. Железные дороги – чтобы съездить куда? Телеграф – чтобы передать что? – спрашивал в свое время Лев Толстой. Ныне такого вопроса не задает никто. Всем ясно, что спутники летают, компьютеры прогнозируют, атомные электростанции вырабатывают ток, – чтобы человекобожеская цивилизация не остановилась. Если угодно, человечество служит сегодня демонической самоцельности техники: технический «постав» жизненного мира заполняет ничтожность (близость к Никто) своей сущности универсальностью и всеобщностью технологических отношений (постмодернистская релятивизация всего, «веселая относительность» как принцип существования). «Как», а не «Что» – таково решение XX в. предложенное им в ответ на вопрос Люцифера. Если жизнь включает цель в себе самой, т. е. лишена трансцендентной задачи, то она совпадает с совокупностью внутрижизненных отношений, обеспечиваемых высокой технологией, – такова краткая формула гуманистической цивилизации нашего времени. Само собой понятно, что такая цивилизация – в условиях современных скоростей, энергетических и информационных потоков – не терпит никаких сбоев (дисфункций), иначе она мгновенно и катастрофически взрывается, как это показала, в частности, авария в Чернобыле. В плане обустройства нашего бытия, т. е. в плане технотронной модальности человеческого грешного существования, капитализм как универсально-денежная, функционально-рыночная система оказался наиболее совершенным, приносившим к характеру Номо оесопотісис (человека пользы) жизненным строем. Место, где все продается, – это рынок (мир как золото), и чтобы успешно действовать на нем, нужен компьютер.

Таким образом, не следует вводить в заблуждение себя и других, утверждая, что в подавляющем большинстве своем современные европейцы или американцы – христиане. Христиан травили львами и медведями, христиане уходили в скиты и безмолвствовали в пещерах, хри-

стиане сжигали себя тысячами, чтобы не покориться антихристу. А мы, как бы в ознаменование всего этого кровавого подвижничества, будем благодушествовать в своих комфортабельных домах и офисах под прикрытием разного рода «христианско-демократических» партий? Делать это – все равно что подрабатывать на панели, выдавая себя за девственницу. В плане религиозном и культурно-мировоззренческом такое положение означает не что иное, как конец истории. Исторический процесс продолжается, пока к бытию (и небытию) относятся серьезно, т. е. пока существует сама категория истины и пока за нее готовы идти на костер. Коль скоро такого костра нет – нет и истории, а есть интересное времяпрепровождение с дамами, приятными во всех отношениях. Но парадокс нашего времени состоит не только в этом. Выбирать подвиг с Христом или чечевичную похлебку без Христа люди должны были всегда. Подлинная апокалипсичность – устремленность к концу – XX в. заключается в том, что, как я старался показать, нас будто заставляют выбирать чечевичную похлебку и тридцать серебряников. Кто отважится сегодня заявить, что он готов жить как птица небесная или лилия полевая, не заботясь о завтрашнем дне? Не трудно вообразить, каковы будут последствия подобного выбора, скажем, для пилота авиалайнера или оператора атомной станции – и даже не столько для них самих, сколько именно для их близких. Характер и структура современного социума, построенного на базе технотронной цивилизации, не позволяют даже ставить этот вопрос – вот поистине окончательный ответ Запада на тихий зов Христа. Начав свой христианский путь под водительством папского меча, Запад заканчивает его в уютной протестантско-потребительской гавани. Запад действительно создал гуманное, богатое существование, накормив человека изобилием плодов земных и разрешив тем самым главную историческую задачу Искушителя: «Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мтф. 4 : 3). Как раз благодаря этому в XX в. так явственно ощущается близость апостасии – последнего отказа мира от Бога. Сверхисторический путь Христа и Христианина благороднее внутриисторического блаженства. Бог слишком любит человека, чтобы ублажать его ролью «разумного животного» или машины для наслаждения. Христос обещал побеждающим царство не от мира сего, а миру сему Он обещал огонь. Забыть об этом – значит до неузнаваемости извращать Христианство, лишая его благородной эсхатологии спасения. Говорят, что каждая страна заслуживает свое правительство; точно так же каждая цивилизация достойна своей судьбы (6).

Русь золотая

Киевская София

О, светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими – всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера Христианская

Слово о гибели Русской земли

Что такое Золотая Русь? Как ее отыскать, каковы ее очертания в мировом духовном пространстве?

Прежде всего – это замысел Божий о России. В. С. Соловьев утверждал, что идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности. Ф. М. Достоевский призывал судить о русском народе не по тем грехам, которые он часто совершает, а по тому идеалу, который он сохранил в своей душе. В настоящей главе речь пойдет об идеальном историософском горизонте Святой Руси, о духовном пределе, к которому стремится ее государственность и культура. Русь Киевская и Московская суть именно Золотая Русь, воспринявшая благовестие Христа и пытавшаяся осуществить его в своем земном устройении. Насколько эта попытка удалась – об этом человек не может вынести окончательного приговора. Но постараться осмыслить Россию как духовную реальность необходимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.